Price in NYC 50¢, outside of NYC $1

стр.2-3

ОСКАРОВСКАЯ ВЕЧЕРИНКА В НЬЮ-ЙОРКЕ

стр.6-8

ДУЭТ

№5 (243)
ФЕВРАЛЬ 2025

СОБЫТИЯ. МНЕНИЯ. ИСТОРИИ.

БУЛЬВАРНЫЕ НОВОСТИ

ЛЕГЕНДА ФРАНЦУЗСКОГО КИНО

стр.4-5

8 НАЦІЯ

С. БОРИСОВ.

БѢГСТВО ЛЮШКОВА.

Бѣжал в Маньчжу-Ти-Го спасясь от сталинской чистки начальник управленія Наркомвнудела Дальнекосточнаго края комиссар III-го ранга Г. Люшков.

Это фаит мірового значенія. По послѣдствія трудно учесть. В первых, этот побѣг означает ли не полный провал работы удар по престижу совѣтов вообще и по престижу политическаго руководства в частности.

В третьих, побѣг Люшкова является ярким показателем гніенія ВКП(б). О „монолитѣ" ВКП(б) в послѣдние годы можно вообще говорить в насмѣшку; побѣг Люшкова подводит итоговую черту

это почти равносильно секретаря крайкома ДВК вича; не заставят себя ходать и другія аналогичн общенія.

Всѣ невозвращенцы и цы типа Люшкова, остав произвол судьбы совѣтс раль, преслѣдуют двѣ н отношеніях неравноцѣнны во первых и, главным обр спасти свою шкуру от ста нжорубы; во вторых и прочем, — повліять свои ством на сталинскую ге ную линію, напугать Стал рицательными послѣдстві стки: невозвращенцством и блаченіями.

Невозвращенцы хотят но доказать Сталину, что продолжать политику, в тагѣ которой дипломаты воются выполнять распо правительства о возвраш СССР, а высшіе руков НКВД стараются сиганул границу. Вѣдь если так дальше, то придется всѣх матов и торгпредов держ Москвѣ, поближе к Лубя всѣм отвѣтственным рабо запретить выѣзд в прифро полосу.

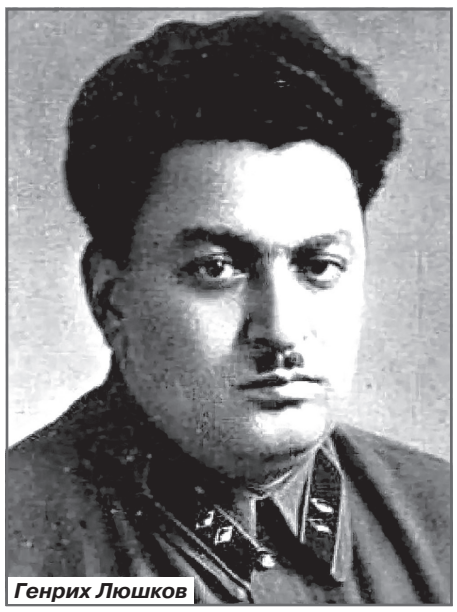
Что касается спасенія то эта задача обычно вып ся и „спасшіеся" с „проп русской кровью до мозга руками начинают не то жизнь", не то, новую р ціонную работу. В что к воздѣйствія на сталинску тическую „генеральную" то результаты невозвраш как будто, нимало не с ствуют мечтам невозвраш

Сталинцы не только не перед невозвращенцством тами, в наоборот, усилива ринарный террор, ста

ПЕРЕБЕЖЧИК

стр.9-11

ПЕРЕБЕЖЧИК


Генрих Люшков

Геннадий Норд

«Некоему вельможе бросился в ноги раб. Он рассказал, что встретил на базаре Смерть, которая грозила ему пальцем, и стал умолять господина, чтобы тот дал ему коня. Раб решил спастись от Смерти, сбежав в город Самарру. Вельможа подарил рабу коня, и тот умчался, а сам на другой день пошел на базар и, встретив Смерть, спросил:

- Зачем ты пугала моего раба? Зачем грозила ему пальцем?

- Я его не пугала, - ответила Смерть. - Просто я очень удивилась, встретив его в этом городе, потому что в тот же вечер мне предстояло с ним свидание в Самарре».

Р.Шекли. «Обмен разумов»

«Кто находится между живыми, тому есть еще надежда, так как и псу живому лучше, нежели мертвому льву».

Книга Екклесиаста 9, ст. 4

Будущий видный деятель НКВД родился в 1900 году в Одессе. Его отец, портной Самуил Люшков смог заработать на образование своим сыновьям, однако, вопреки его ожиданиям, они вместо коммерции занялись революционной борьбой. Сначала большевиком стал старший брат, а в 1917-м под его влиянием партийной работой занялся и Генрих.

Круговерть революции и Гражданской войны помотала Люшкова-младшего по всей Украине. Он был красногвардейцем, мелким сотрудником ЧК, одесским подпольщиком, конармейцем, политработником... Закончил войну комиссаром ударной отдельной бригады 14-й армии с орденом Красного знамени на груди, и в 1920 году осел в Тираспольской ЧК.

В органах госбезопасности Люшков пришёлся ко двору. 7 августа 1931 года его перевели в Москву, в центральный аппарат ОГПУ-НКВД, а через несколько месяцев он оказался в Берлине, где выведывал военные секреты авиастроительной фирмы «Юнкерс». Не очень понятно, как он это делал, так как немецкого, впрочем, как и других иностранных языков, Люшков не знал, но по результатам его секретной командировки получился обстоятельный доклад, попавший на стол Сталину и, возможно, запомнившийся вождю.

Впрочем, дальше вверх по карьерной лестнице Люшков двинулся не в сторону промышленного шпионажа, а в направлении разоблачения внутренних врагов советской власти. В 1933 году Генрих Самойлович в должности заместителя начальника секретно-политического отдела ОГПУ фабриковал дело «Российской национальной партии» (так называемое «дело Славистов») и лично допрашивал арестованных.

В декабре 1934 года был откомандирован в Ленинград, где принимал активное участие в расследовании убийства Кирова.

Люшков явно пользовался расположением всесильного наркома внутренних дел Генриха Ягоды. С 1935 года, получив звание комиссара госбезопасности третьего ранга, он лично готовил тексты докладов и записок наркома в ЦК. В центральном аппарате ГПУ Люшкова считали правой рукой Ягоды. Нарком бросал своего протеже на «раскрытия» таких ответственных дел, как «кремлёвское» и «троцкистско-зиновьевского центра», поручал ему подготовку открытого московского процесса в августе 1936 года.

В сентябре Ягода был снят с должности наркома внутренних дел, а в январе 1937 года арестован. В центральном аппарате НКВД новый нарком Николай Ежов произвёл грандиозную чистку. Под нож попали все более-менее заметные сотрудники Ягоды. Исключением оказался только Генрих Люшков. Он был знаком с Ежовым ещё по расследованию убийства Кирова, причём, тогда они не раз конфликтовали из-за попыток Николая Ивановича контролировать следствие. Однако, спустя два года Ежов, вопреки своим правилам, не стал припоминать старые распри. Люшков вдруг оказался у него в фаворе. Вчерашние коллеги Генриха Самойловича давали против него показания, но «стальной нарком» приказывал следователям переписывать протоколы, убирая оттуда все упоминания о своём любимчике. Люшков в это время получил новый ответственный пост - начальника УНКВД по Азово-Черноморскому краю.

Генрих Люшков

На юге Люшков не только руководил набиравшими размах репрессиями, но и занимался укреплением системы охраны мест отдыха руководителей партии и советского государства, в том числе, дачи Сталина в Мацесте.

Со своими обязанностями он справлялся очень хорошо. В начале лета 1937 года его вызвали в Москву, наградили орденом Ленина и перекинули на ещё более важное направление - на Дальний Восток. Перед отъездом Люшкову устроили личную аудиенцию у Сталина. Люшков получил от вождя три секретных задания: следить за маршалом Блюхером, лично арестовать начальника авиации Дальневосточной армии Лапина и предыдущего начальника УНКВД по Дальнему Востоку Балицкого. Последнего Люшков знал ещё с 1920-х годов по совместной работе в Украине. Впоследствии он вспоминал:

- Если бы при получении этих заданий я проявил какие-нибудь эмоции или колебания, то не вышел бы из Кремля.

Окончание на с.10

Генрих Люшков (второй слева)

Окончание. Начало на с.9

Новому начальнику управления НКВД по Дальнему Востоку была высочайше разъяснена вся важность его будущей работы - Япония тогда считалась потенциальным врагом СССР №1, а вся обширная приграничная териитория кишела затаившимися врагами советской власти. Окрылённый напутствием вождя, Люшков умчался к новому месту службы.

На Дальнем Востоке он развернулся. Первым делом Люшков арестовал сорок местных руководителей НКВД. Все они как на подбор оказались активными участниками правотроцкистской организации.

Внутричекистскими кадровыми вопросами дело не ограничилось. За время руководства Люшковым дальневосточными органами госбезопасности было арестовано двести тысяч человек, семь тысяч из которых расстреляли.

Комиссаром госбезопасности третьего ранга Люшковым было задумано, организовано и блестяще претворено в жизнь одно из первых в СССР переселений народов - все корейцы, бывшие гражданами Советского Союза, были высланы в Среднюю Азию.

По результатам такой бурной деятельности Генрих Самойлович мог рассчитывать на очередной орден, но он каким-то шестым чувством почуял, что дело пахнет керосином - надвигалась новая чистка органов.

Николай Ежов

Генрих Люшков

Люшков решил не дожидаться ареста и начал готовиться к побегу. Сначала он позаботился о семье. Для своей падчерицы, которая часто болела в дальневосточном климате, он выхлопотал в Москве разрешение пройти курс лечения в Польше, и отправил жену Нину Люшкову-Письменную вместе с девочкой через всю страну на запад. Как оказалось, не зря. 26 мая 1938 года пришла телеграмма от Ежова: Люшкова переводят с повышением в Москву. Поняв, что его вызывают в столицу для ареста, чекист бодро ответил, что счастлив оправдать доверие партии. В начале июня он получил от жены телеграмму с оговоренными заранее словами: «Шлю свои поцелуи». Это означало, что семья в безопасности.

12 июня 1938 года начальник дальневосточного НКВД выехал с инспекцией в приграничную зону. Под утро он заявил, что ему необходимо лично встретиться с особо важным маньчжурским агентом-нелегалом, и в сопровождении начальника заставы двинулся к контрольно-следовой полосе. Оставив попутчика в лесу, он приказал подождать себя минут сорок, и ушёл на ту сторону. Пограничник прождал два часа, затем поднял заставу в ружьё. До утра бойцы прочёсывали окрестности, но высокого начальника не нашли.

Утром 13 июня человек в полевой форме с тремя малиновыми ромбами на петлицах и орденами на груди набрёл на маньчжурского пограничника и на ломаном японском приказал отвести себя в штаб. Там поначалу испугались такого подарка и доложили о госте начальству. Через несколько дней Люшков уже был в Токио. Побег тщательно скрывался и японской, и советской сторонами, но в СССР скоро сделали соответствующие оргвыводы. Предательство Люшкова стало одной из причин смещения его покровителя Ежова и одним из главных пунктов обвинения стального наркома.

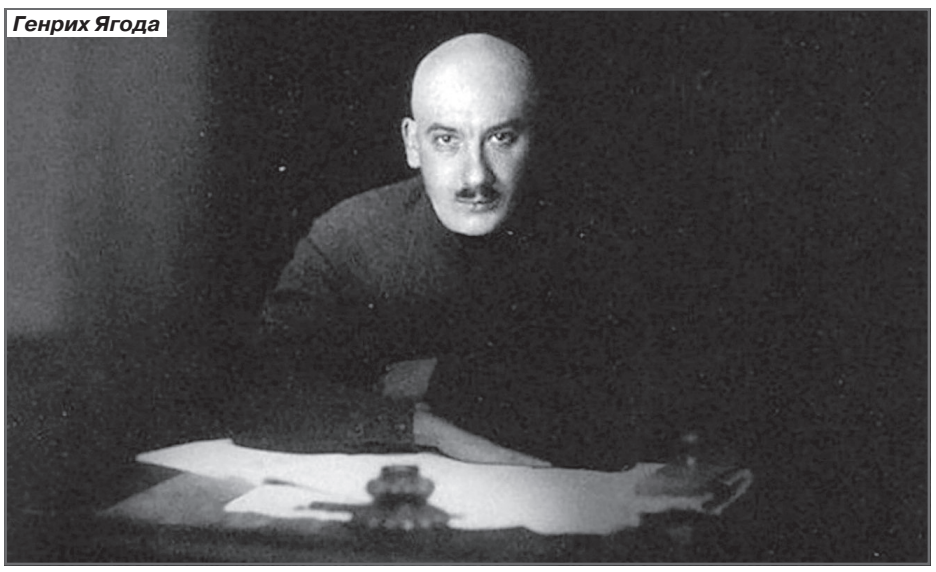
24 июня информация о переходе какого-то важного чекиста к японцам появилась в рижской газете. Ещё через несколько дней эту новость, уже с упоминанием фамилии Люшкова, подхватила немецкая пресса. Японцы решили, что скрывать беглеца нет смысла.

13 июля в токийском отеле «Санно» состоялась пресс-конференция. Охранников в штатском на ней было больше, чем журналистов - японцы серьёзно опасались покушения на перебежчика.

Сначала Люшков выступил перед иностранными журналистами, а потом перед японскими. Он продемонстрировал своё служебное удостоверение и корочки депутата Верховного совета, рассказал, что он противник не СССР, а сталинизма, подробно остановился на размахе репрессий в Советском Союзе.

В кабинетах японских разведчиков Люшков был гораздо более разговорчивым. Он подробно расписал места расположения частей Красной армии на Дальнем Востоке, их численность,

Пресс-конференция Люшкова


Генрих Ягода

8 НАЦІЯ

С. БОРИСОВ.

БѢГСТВО ЛЮШКОВА.

Бѣжал в Маньчжу-Ти-Го спась от сталинской чистки на льник управленія Наркомвну ла Дальнекосточнаго края ко ссар III-го ранга Г. Люшков. Это фактъ міроваго значенія. в послѣдствія трудно учесть. первых, этотъ побѣгъ означает и не полный провалъ работы удар по престижу совѣтов вообще и по престижу политическаго руководства в частности.

В третьих, побѣгъ Люшкова является яркимъ показателем гніенія ВКП(б). О „монолитѣ" ВКП(б) в послѣдние годы можно вообще говорить в насмѣшку; побѣгъ Люшкова подводит итоговую черту это почти равносильно секретарѣ крайкома ДВК вича; не заставят себя ждать и другія аналогич общенія.

Всѣ невозвращенцы и цы типа Люшкова, остав произвол судьбы совѣто рабль, преслѣдуют двѣ отношеніях неравноцѣнн во первых и, главным об спасти свою шкуру от ста мясорубки; во вторых и прочем, — повліять свож ствой на сталинскую г ную линію, напугать Ста рицательными послѣдста стки: невозвращенством блаченіями.

Невозвращенцы хотят но доказать Сталину, что продолжать политику, в татѣ которой дипломаты воются выполнять распо правительства о возвращ СССР, а высшіе руков НКЗД стараются сигануть границу. Вѣдь если так дальше, то придется всѣх матов и торгпредов держ Москвѣ, поближе к Лубя всѣм отвѣтственным раб запретить выѣзд в прифро полосу.

Что касается спасенія то эта задача обычно вы ся к „спасшіеся" с „проп русской кровью до мозга руками начинают не то жизнь", не то, новую ціонную работу. А что воздѣйствія на сталинску тическую „генеральную" то результаты невозвращ как будто, нимало не ставуют мечтам невозвра

Сталинцы не только не перед невозвращенством тами, а наоборот, усиливш ринарный террор, ста

Статья о Люшкове в белоэмигрантской газете

систему развёртывания войск в случае начала военных действий. Японский генштаб был неприятно поражён численным перевесом советских войск, которые намного превосходили японские не только в живой силе, но и по количеству самолётов и танков. Правдивость слов перебежчика подтвердилась во время произошедших вскоре столкновений на озере Хасан и Халхин-Голе. Кроме того, чекист выдал новым хозяевам всех советских агентов, о которых знал, в том числе, завербованного НКВД белого генерала Семёнова.

Информацией Люшкова заинтересовался немецкий Абвер. Адмирал Канарис послал в Токио своего личного представителя полковника Грейлинга, который по результатам разговоров с бывшим чекистом составил доклад.

Москва требовала от своего резидента в Японии Рихарда Зорге узнать, что именно разболтал немцам Люшков, но всемогущий агент Рамзай смог переснять всего несколько страниц этого доклада. Впрочем, и по ним было ясно, что Люшков не скрывал ничего.

В обмен на все эти сведения Генрих Самойлович попросил всего лишь найти его семью. Но тщательные поиски в Польше и Прибалтике не дали результата. Позже выяснилось, что жена поторопилась с отправкой условленной телеграммы и 15 июня 1938 года была арестована вместе с дочкой ещё на территории СССР. До сих пор встречаются сведения, что Нину Письменную-Люшкову после жестоких пыток расстреляли, но на самом деле органы обошлись с ней до странности мягко. 19 января 1939 года Люшкова-Письменная была осуждена как член семьи изменника родины на 8 лет лагерей. 15 февраля 1940 года особое совещание при НКВД пересмотрело её дело, постановило считать её отбывшей срок и отправило в пятилетнюю ссылку. В 1962 году Нина Письменная была полностью реабилитирована и перебралась в Латвию, где скончалась в 1999 году. Её дочь Людмила не сгинула, как утверждалось, в спецдетдоме, а воспитывалась родственниками и умерла в Латвии в 2010 году.

Всего этого Люшков не мог знать, он лишь понимал, что его семья пропала. За это он решил мстить лично Сталину и предложил японцам организовать покушение на него. Во время работы на юге Люшков лично разрабатывал систему охраны дачи Сталина в Мацесте и задумал нанести удар по вождю именно там. Подготовленная группа из белоэмигрантов была переброшена японцами на советско-турецкую границу. Тщательно разработанный план одного из крайне немногочисленных реальных покушений на Сталина сорвался в последний момент - среди диверсантов оказался агент НКВД, о котором Люшков не знал. Переход границы не удался. После этого Люшков полностью прекратил общение с белоэмигрантами в Китае, опасаясь многочисленных советских агентов.

Люшков был назначен старшим консультантом секретного отдела японского генштаба, который занимался разведкой, пропагандой и психологической войной против СССР. Бывший чекист регулярно знакомился с советской печатью и составлял обширные, но очень дельные доклады, выжимки из которых даже публиковались анонимно в японской прессе. Жил Люшков уединённо, мало гулял, интересовался только работой. Стиль его жизни не изменился, когда во время войны его перевели в штаб Квантунской армии.

Размеренная работа перебежчика нарушилась в августе 1945 года. Вскоре после объявления Советским Союзом войны Японии следы Люшкова затерялись. По официальной версии, 19 августа начальник Дайрэнской военной миссии Ютака Такеока предложил Люшкову застрелиться, чтобы не попасть в советский плен, а после отказа застрелил чекиста сам. По другим свидетельствам, японцы хотели обменять перебежчика на попавшего в плен сына премьера Фумимаро Коноэ, а когда Люшков воспротивился, попросту задушили его.

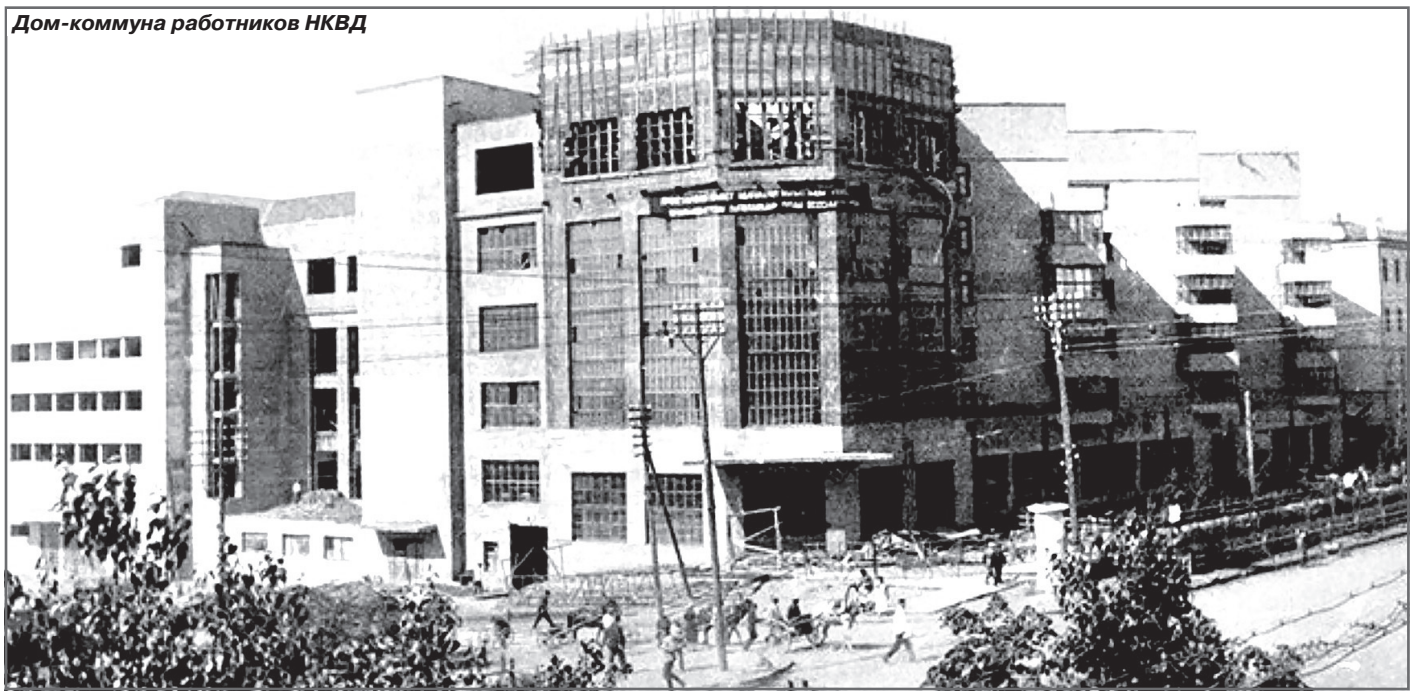
Обе эти версии кончаются одним - кремацией тела бывшего чекиста. То есть трупа Люшкова никто не видел, и это вызывает вопросы: зачем японцам уже после капитуляции в панике бегства утруждать себя кремацией тела какого-то гайдзина?

Встречаются косвенные свидетельства, что Люшкова видели в обезумевшей от страха толпе на вокзале Дайрэна на следующий день после его якобы смерти. Возможно, ему удалось бежать и дожить до старости где-нибудь в Австралии, а может быть, он попал в плен и был расстрелян - ещё в 1939 году в СССР его заочно приговорили к смертной казни.

Как бы то ни было, после августа 1945 года непотопляемый Генрих Самойлович Люшков нигде не всплывал.

Токио, 1939 год

Капитуляция Квантунской армии, август 1945 год



Дом-коммуна работников НКВД